

МИРИАМ ГАМБУРД

ГАРГУЛЬЯ

В пражском соборе Святого Вита в виде водосточных труб, подобно соплам орудий, готовых к обороне, высоко над мостовой распластаны параллельно земле желобы-гаргульи. Функционально они отдают дождевую воду от стен собора. Их разинутые пасти извергают потоки, оберегая тело собора от сырости, а символически его душу — от порчи.

Изображенная на обложке моя скульптура «Цветение сливы» — тоже своего рода «гаргулья» — сопряжение готического архитектурно-скульптурного элемента с японской легендой о вдовце, взявшем в жены юницу. Призрак умершей помогает новой хозяйке дома, не отставая от нее ни на шаг. Однажды весной призрак просит молодуху поднять ее, чтобы полюбоваться цветущей за забором сакурой. Новая жена взваливает старуху на спину, и та крючковатыми пальцами впивается в юные груди соперницы, так что разъять ее страшные объятия становится невозможным. Запястья покойной приходится отрубать топором, и ее костлявые кисти рук навсегда остаются вросшими в тело молодой женщины.

Мириам Гамбурд

Редактор
А. Ю. Арьев

Искусствоведу и другу Якову Бруку посвящаю

Вся ты прекрасна, подруга моя,
и нет в тебе изъяна.

Песнь Песней Соломона

Этюдом на отделении скульптуры в «Штиглице» называлась не работа над пейзажем на пленэре — на этюды мы не ходили и этюдов не писали, мы их лепили. Многочасовая лепка обнаженной модели в натуральную величину или в полнатуры — это и был этюд.

Модель устанавливалась в классической позе с упором на одну ногу на проворачивающемся вокруг своей оси подиуме так, что количество точек обзора оказывалось максимальным. Большим оно могло бы быть, если подвесить модель, но и конструктивной поликлетовской позы достаточно — все недочеты студенческих этюдов прекрасно видны. Нет никаких мягких сидений, срезающих половину бедра, драпировок, скрывающих узловые моменты коленей или плечевого пояса, лежанок, расплющивающих полных натурщиц и проглатывающих тощих. Поликлетовский хиазм выстраивается переносом центра тяжести стоящей на двух ногах фигуры на одну, опорную. Таз будто подчиняется армейскому окрику «Вольно!» и ломает секунду назад в струнку вытянувшиеся, смиренно стоящие оси движения. Сейчас они — колчан переломанных стрел. Грудная клетка и плечевой пояс под одним углом, таз — под другим. Этот разницей и есть основа нового порядка. Хаос? Ничуть не бывало,

напротив, математически выверенная гармония. Вереvoчный отвес прочертит перпендикулярную плоскости станка линию от ярeмной ямки — мы называли ее «душка» — к лодыжке опорной ноги, иначе скульптура завалится и стоять не будет. Классический канон точен и взыскателен. Не натура обнажена, ты сам наг, ничего не скрыть. Что умеешь — имеешь, то и видно.

На старших курсах меня преследовала навязчивая фантазия: я сама из глины стою на подиуме с упором, разумеется, на одну ногу. Галатeя и Пигмалион в одном лице. Несколько точных прикосновений к влажному податливому материалу — и я исправляю все недостатки своей фигуры. Первым делом убираю лишнее с полных щиколоток и делаю их стройнее. Теперь четко просматривается внутренняя косточка лодыжки. Затем утончаю талию. Торс моей Галатeи вполне соответствует канону античной красоты: плавный переход от бедер к грудной клетке, талия не акцентирована. Передо мной девичье тело почти мальчишеских пропорций. Это впечатление создают широковатые, но легкие плечи и маленькие, далеко стоящие одна от другой грудки. «Этот стан твой пальме финиковой подобен, и груди твои — гроздьям». Половинкам дикого апельсина подобны груди твои. Сбоку же картина другая — плечевой пояс хрупок без худобы и лишен объема, будто вырезан из листа картона. Плечи отведены назад, ключицы энергично прочерчены, лопатки утопают в плоскости спины. Узкая талия, широкие бедра — это иной тип женской красоты, прославленный индийской скульптурой, и я вовсе не собираюсь ему следовать, но античности надобно поубавить. Соскребаю обеими руками круговым движением глину в области талии со спины и с боков, потом большой деревянной стекой уточняю форму. Лишний материал сминаю в комок, он мне еще пригодится. Живот плоский и мускулистый очень хорош и превосходно держит всю фигуру. Его не трогать!

Он вольготно и изящно расположился меж чуть выступающих гребней тазовой кости внизу и аркой грудной клетки наверху. «Пупок твой — круглая чаша, не скудеет вино пряное...» Нет, не годится. Какая там чаша? Ни капли вина такой пупок не вместит, она скатится к аккуратному, чуть выступающему лобку. Тогда может быть «Живот твой — сноп пшеницы, окаймленный лилиями» или «живот его/ее полированная слоновая кость»? Шикарно! Жаль только, что это относится к мужскому животу. Но не время любоваться и жонглировать цитатами, торопись же! Белая ночь вот-вот пойдет на убыль. С перекрестка Литейного и Пестеля уже доносится дребезжание трамвая. В мастерской полумрак, вокруг на станках стоят спеленатые во влажные тряпки и клеенки учебные работы моих однокурсников. Из ящика с глиной тянет болотной гнильцой.

Разворачиваю фигуру на подиуме спиной. Выпуклые ягодички, казавшиеся раньше вполне соразмерными, сейчас выглядят крупными. Да, конечно, иначе и быть не может, ведь я сузила талию. Не стану их трогать. Позвоночный столб — да какой же он столб, куда больше похож на змею — в моем случае в районе спины оправдывает свое название, но на подходах к затылку в нем просыпается змея. Она выносит глиняную голову фигуры вперед под углом, который надо немного успокоить. Это не простая задача — придется гнуть и выпрямлять металлический каркас, опутанный проволокой, держащий фигуру, и я отказываюсь от затеи. Попробую решить задачу не так радикально и агрессивно, но мирным способом. Просто подниму немного затылок, уплотню шею в основании черепа, уберу лишний материал спереди... Не годится. Подбородок и плоскость лица по-прежнему вынесены вперед так, что, если воспользоваться веревочным отвесом, перпендикулярная линия прочертит-соединит (взгляд сбоку) кончик подбородка с серединой стопы, минуя соски. Оставляю

плоскость лица как есть. Не увлекайся! Не нарушай общую гармонию! Поди выстрой ее потом заново... Плоскость лица, точнее клин лица, чуть завалена назад. Скульптор во мне не позволяет исправить/испортить орлиный нос и придать ему банальную форму. Состояния пластические хирурги сколачивают на подобных операциях. Нос зрительно уравновешен пышной копной волос на затылке. Да-да, знаю, все это остро и выразительно, но так хочется хоть немного успокоить эту дерзкую горбинку! Из-за нее меня считают за-нос-чивой, и вообще нос цепляется за все углы. Еще бы не цепляться, когда он «башня Ливанская, обращенная к Дамаску». Не трогай имперский ахматовский нос! Неси по жизни свой нос-ношу — и будешь ты царицей, Мира. Выпуклые глазные яблоки посажены в просторные глазницы, и брови прочерчены высоко над ними, разрез глаз продолговатый. И если по примеру древних раскрасить статую, то глаза так и останутся цвета маслянистой пулковской глины, из которой сработан этюд. Нижняя часть лица овальна и чуть тяжеловата. Ее можно облегчить, соскоблив немного глины с нижней челюсти и подбородка. Угол шеи этим не уменьшить, но она станет длиннее. Небольшой рот тонкой лепки красив. Нижняя часть лица как у японок на гравюрах. Японцы видят себя совсем не так, как мы их видим: никаких широких выпирающих скул, лица вытянутые, продолговатые и чуть тяжеловатые в нижней овальной части. Уши Галатеи посажены вполне удачно, немного смещены к затылку и открывают боковые плоскости лица, но крупноваты. Их надо бы чуть уменьшить, чтобы не торчали, как у породистого щенка.

Теперь отойди на несколько шагов назад, резко развернись и глянь на исправленную скульптуру. Надо же, ведь я не укорачивала ноги... Но ты удлинена шею. Фигура помещена на глиняном пьедестале высотой в несколько сантиметров. Обрезаю его вокруг левой, затем вокруг правой стопы. Сейчас глиняная

я стоит как бы на котурнах. Срезаю котурны, тяну вниз стопы, опускаю их на деревянную плоскость станка и освежаю лепку. Форма стоп и пальцев ног немного смялась в процессе исправлений, и на обеих голених образовались широкие трещины, открывающие каркас. Заделываю их глиной. Н-да... Вроде бы не собиралась увеличивать рост, ведь я и так выше и крупнее большинства окружающих меня мужчин. Я родилась через два года после окончания войны, а тем немногочисленным мальчикам, которые старше меня, выпало голодное детство, да и матери вынашивали их на скудном тыловом рационе.

Ноги получились слишком длинными и плотными, и теперь верхняя часть фигуры смотрится совсем легкой и как бы вознесенной на тяжеловатом для нее пьедестале. Вот ведь нарушишь гармонию и сотворишь прекрасного монстра. «Голени его/ее — мраморные столбы, поставленные на золотых подножиях». Проверь, не выглядят ли при этих столбах руки короткими? Нет, нисколько. Ведь не кажутся короткорукими женщины на высоких каблуках. Кисти рук... Не пристало скульптору иметь такие холеные кисти с удлинненными пухлыми пальцами, как на придворных портретах.

Все отчетливее слышно, как уборщицы сердито переговариваются, орудуя швабрами. Приоткрываю высокую дверь, успеваю на ходу нагнуться и оттяпать по половине фаланги на больших пальцах ног моей Галатеи — ее удлинненные стопы красивы, но великоваты. «Как прекрасны ноги твои в сандалиях (на размер меньше), дочь именитая!» Выскальзываю в полнящийся светом коридор, но возвращаюсь, чтобы еще раз оглядеть свое творение. Здорово! Bravo! Справилась.

Пол меняй!!! Хватит канючить, мол, осознание себя девочкой — твое первое в жизни тяжелое знание. И перестань ссы-

латься на Фрейда, да, верно, это он сказал, что девочки прекрасно понимают, что пениса у них нет и не предвидится, и это их очень огорчает.

Комка глины, который ты мнешь в руке — ладонь горячая от волнения, и глина начинает подсыхать, — вполне достаточно, чтобы это изменить. Ну же, лепи пенис и яички и приделай их к своему изящному лобку, заверши им превосходной лепки, плоский мускулистый мальчишеский живот.

Меняй пол! Вот-вот прокричит петух, торопись!

Да откуда взяться петуху в центре Ленинграда?!

Меняй, говорят тебе!

Но почему сейчас?! Когда мое глиняное тело — само совершенство.

Не медли, черт побери!

Только не сейчас!

Случай не повторится! Меняй пол!

Но я всего лишь раз надела новое французское платье!

Выскакиваю из скульптурки, несусь к входной двери — заперта. Взлетаю по сильно стертým ступеням мраморной лестницы и утыкаюсь в стоящую по центру, гипсовую, тонированную под светлую бронзу фигуру Ленина работы одного из моих педагогов. Сворачиваю направо и крадусь по галерее, кажется, она называется Папской, но никто этим именем не пользуется. Высокая резная дверь в мой любимый Актовый зал приоткрыта: стены забраны резными панелями, над ними — два старинных французских гобелена со сценами охоты. Останавливаюсь, залюбовавшись, но спохватываюсь. Молодежный зал под огромным и прекрасным стеклянным куполом. По привычке скольжу взглядом по заново отреставрированному, рухнувшему во время блокадной бомбежки сегменту купола. Только на одной его ленте сохранился витражный орнамент. Значит ли это, что

оригинальный купол был орнаментирован весь и его не удалось восстановить в первоначальном виде? Уже день, но в нишах нижнего яруса галереи еще длится белая ночь. Нет превосходно размещившегося по периметру верхнего яруса много лет спустя фриза Пергамского алтаря и мраморного барона Штиглица, отца-основателя, тоже нет, но здесь витает дух Веры Игнатьевны Мухиной. Несколько студентов с планшетами спускаются по Итальянской лестнице в котловину зала — значит, входная дверь уже открыта. Размеренным шагом возвращаюсь через знакомую анфиладу и, оказавшись в Соляном переулке, спохватываюсь: вот ведь досада, уши забыла исправить!

Мое новое тело досталось не мне, но дочери Юдит, родившейся десять лет спустя под другим небом. Юной девушкой она объездила полмира как топ-модель. У нее царственная осанка при длиннющих ногах и полное равнодушие к собственной красоте. Волосы азиатской густоты не расчешешь, а горб на носу подевался куда-то в процессе перевоплощений. Не замечала, чтобы дочь кручинилась по поводу того, что ей выпал не тот пол. Как-то в детстве, глянув в старое, с пятнами стертой амальгамы зеркало, которое я приволокла со свалки в свою мастерскую в Яффе, она бросила: «Надо же, Бог совсем неплохо меня вылепил!» Бог, согласно учению иудаизма, создает душу, и она принадлежит Ему до последнего вздоха. Над телом приходится покорпеть родителям.